

Моск. новости - ВСТРЕЧА
1998 - 26 апр. - 29
3 мая - с. 28 - 29

С художественным руководителем фестиваля Мстиславом РОСТРОПОВИЧЕМ встретился наш лондонский корреспондент Ефим БАРБАН.

— Мой опыт в Англии, — рассказывает Ростропович, — убедил меня в том, что Шостакович и его музыка очень близки англичанам. В Англии его исполняют чаще, чем где-либо. И первый фестиваль Шостаковича на Западе проходил именно в Великобритании, в Эдинбурге, кажется, в 1960 году. Мы приезжали на тот фестиваль вместе с Дмитрием Дмитриевичем. Расту-

Шостакович и англичане

В Лондоне завершилась первая часть грандиозного фестиваля музыки Шостаковича, во время которого Лондонский симфонический оркестр под управлением Мстислава Ростроповича впервые в мире исполняет в хронологическом порядке все 15 симфоний композитора и многие другие его сочинения. Вторая часть этого музыкального марафона пройдет в октябре.

кой культуре? Не похож ли он чем-то на англичанина?

— Пожалуй, фигурой, да. До последних дней он был поджарым, сухощавым человеком, очень красивым мужчиной. Возможно, с англичанами его

*Дмитрий Шостакович,
автор
Седьмой симфонии,
в осажденном Ленинграде*

сближала привычка к точности, обязательности характера. Как я мог сам заметить, англичане никогда не надуют. И вот у Шостаковича была такая благовоспитанная английская обязательность. Я помню

один его замечание (честно говоря, я помню их все): в 1946 году я оказался в Доме творчества Союза композиторов, где отдыхал Дмитрий Дмитриевич с семьей. Тогда в моде была китайская игра «маджонг». Когда мы играли с Шостаковичем за одним столом, я постоянно свои ходы комментировал. И однажды Дмитрий Дмитриевич, не выдержав, сказал мне: «А вот англичане играют молча».

— Как вы познакомились с Шостаковичем?

— В 1943 году я поступил в Московскую консерваторию, где он тогда преподавал. После Седьмой симфонии он был в зените славы, попасть к нему в класс было

Идея нынешнего фестиваля целиком принадлежит англичанам. Для меня это уникальное переживание, я заново проживаю все перипетии трагической жизни великого человека. Лондонский симфонический оркестр, с которым я регулярно сотрудничаю, продемонстрировал невиданное по глубине понимание творчества Шостаковича.

— А была ли у самого Шостаковича тяга к англий-

сближала привычка к точности, обязательности характера. Как я мог сам заметить, англичане никогда не надуют. И вот у Шостаковича была такая благовоспитанная английская обязательность. Я помню

невозможно. Я попросил профессора Козолупова, у которого занимался, показать Шостаковичу партитуру моего первого фортепианного концерта. Шостакович согласился ее посмотреть и пригласил меня к себе в класс. Я пришел с мыслями, что сейчас меня погонят в шею. Композитор неожиданно предложил мне самому сыграть свой концерт. После этого на меня обрушился каскад благородного вранья. Шостакович сказал, что для него было бы честью, если бы я поступил в его класс композиции. Он считал, что я должен бросить виолончель и сочинять музыку. Но, слава Богу, я этого не сделал.

— Близкое знакомство с композитором сказывается ли на вашей интерпретации его музыки?

— Безусловно. Ведь мне была известна его реакция буквально на каждый сочиненный им такт. Для меня как для дирижера и инструменталиста это очень важно. Не говоря уже о том, что мы часто обсуждали с ним его музыку.

— Вы сказали, что на Лондонском фестивале, исполняющем музыку Шостаковича в хронологическом порядке, вы заново переживаете все перипетии жизни великого человека. А случись ему жить в другой стране, он, вероятно, писал бы другую музыку?

— Наверняка она была бы другой. Нередко тирания вызывает у великого человека всплеск мощной творческой реакции, противоположной официальной догматике. Мне кажется, что такие люди, как Сахаров, Солженицын, Шостакович, не могли бы появиться при другой системе. Конечно, советская власть украла у Шостаковича и Прокофьева много лет жизни, однако реакция на этот гнет оказалась своего рода стимулом для глубочайших музыкальных озарений. Французы говорят: чтобы быть красивым, надо страдать. Наверное, чтобы создавать гениальные произведения, тоже надо страдать. Страдать не за себя, а за других. Шостакович умел страдать за других.

///

Комментарий Митиша

02.05.98

113